

УДК 162.6:316.7

Ч. С. Кирвель¹, П. А. Водопьянов²¹Гродненский государственный университет имени Янки Купалы²Белорусский государственный технологический университет**ДИАЛЕКТИКА «ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ»
И ОСОЗНАННОГО ВЫБОРА ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА**

В противоположность сложившимся представлениям о будущем как обусловленной исторической необходимостью в статье обосновывается его многовекторность, вероятностный характер исторического процесса. Также обосновывается необходимость выявления таких направлений исторического развития, которые соответствуют принципам гуманизма и достижения социальной справедливости в условиях глобальной нестабильности. Подвергнуты критическому анализу такого рода доктрины, которые под видом утверждения общечеловеческих ценностей и реализации идеи «нового глобального порядка» пытаются навязать тем или иным странам либо народам ложные перспективы и тупиковые пути исторического движения.

Ключевые слова: социальная закономерность, историческая предопределенность, вероятностный характер истории, социальная справедливость, новый гуманизм, новый глобальный порядок, перспективы цивилизации, фатальная неизбежность.

Ch. S. Kirvel' ¹, P. A. Vodop'yanov²¹Yanka Kupala State University of Grodno²Belarusian State Technological University**DIALECTICS OF “HISTORICAL NECESSITY”
AND CONSCIOUS CHOICE OF WAYS OF SOCIETY DEVELOPMENT**

In contrast to the prevailing ideas about the future as conditioned by historical necessity, the article justifies its multi-vector nature, the probabilistic nature of the historical process. The necessity of revealing such directions of historical development that correspond to the principles of humanism and achievement of social justice in conditions of global instability is substantiated. Critical analysis of this kind of doctrine, which under the guise of affirming universal values and realizing the idea of a “new global order” is trying to impose on one or another countries or peoples false prospects and dead ends of the historical movement

Key words: social regularity, historical predetermination, the probabilistic nature of history, social justice, a new humanism, a new global order, the prospects of civilization, a fatal inevitability.

Введение. До недавнего времени многие ученые считали, что движение социума подчинено некоей надчеловеческой силе, которая педантично регулирует события социального мира. В зависимости от своей мировоззренческой направленности данную силу они называли или провидением, или мировым разумом, либо объективной закономерностью. Причем предполагалось, что сила эта благоприятствует людям: вопреки всем превратностям истории, частным деструкциям и препятствиям она, в конечном итоге, приводит все к единому общему благу и обеспечивает в целом прогрессивно-поступательное развитие общества. При таком подходе к разворачиванию исторического процесса свобода человека – общественного существа – нередко определялась как осознанная необходимость, ее познание и уяснение, а значит, и следование ее требованиям.

В настоящее время есть все основания усомниться в этой точке зрения. Сегодня все более распространенным среди исследователей

становится взгляд, согласно которому нет никакого предопределенного движения социума к какой-либо модели «светлого будущего», что оптимизм истории телеологически не задан. А в обстановке трагических социально-политических метаморфоз и глобальных кризисных явлений, охвативших современную техногенную цивилизацию в конце XX – начале XXI в., стало вполне очевидным, что будущее не только многовариантно, но и что его совсем может не быть.

Будущее таит в себе много неведомого. Оно всегда есть результат синергетического эффекта разнонаправленных сил и факторов: непредсказуемого социального выбора и поступка, проб и ошибок, случайного стечения обстоятельств, пересматриваемых и постоянно изменяемых решений и т. д. В настоящее время можно определенно утверждать: развитие социума нелинейно и гиперциклично, оно не подчинено действию каких-либо жестких и однозначных («непреложных») закономерностей.

Обнаруживающие себя сегодня в тех или иных социальных сферах, системах или подсистемах детерминистские цепочки (связи детерминации) могут оказаться неожиданно разорванными завтра. Это происходит потому, что в динамике социума время от времени возникают кульминационные моменты, «взрывы». В момент последних законы и механизмы причинности отключаются – будущее становится открытым для новой линии развития, нового социального выбора и решения.

Основная часть. Задача исследователей состоит в том, чтобы выявить в гуще ветвящихся дорог и потенциалов исторической эволюции те направления развития, которые в наибольшей степени соответствуют принципам гуманизма и справедливости, а также в том, чтобы противостоять тем силам и группам лиц в мире, которые в наше сложное переходное время под видом утверждения общечеловеческих ценностей и реализации идеи «нового глобального порядка» стремятся осуществить свой корпоративный, эгоистический интерес, пытаются навязать тем или иным странам и народам ложные перспективы и тупиковые пути исторического движения, направить их развитие в русло «уготованного будущего».

Современная социальная динамика ознаменовалась быстро изменяющейся диалектикой соотношения объективного и субъективного в развитии общества. Усложнившийся мир социума уже невозможно описать исходя из детерминистской парадигмы, господствующей ранее в общественном сознании. Социальная эволюция сегодня все в меньшей степени становится зависимой от объективных детерминант и все в большей мере демонстрирует способность к самоопределению и самопреобразованию на основе устремлений и деятельности тех или иных социальных субъектов. Социальные субъекты, как свидетельствуют факты, обладают сегодня огромной силой и потенциальными возможностями. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что удельный вес субъективно-волевого и целерационального факторов в комплексе очевидных причин и зависимостей исторически неуклонно возрастает. Важнейшей детерминантой в жизнеустройстве общества, все в большей мере, становятся процессы в сфере субъективной реальности [1, с. 121]. Сегодня субъективный фактор истории стал реальной силой, определяющей судьбы целых поколений народов. Оказалось, что в наше время весьма затруднительно говорить о каких-то чисто объективных социальных процессах, протекающих вне и независимо от субъективной воли, от субъективного фактора истории. Причем пределы человеческого вме-

шательства, можно даже сказать человеческого экспериментаторства, в том числе и деструктивного, разрушительного, резко расширяются в переходные эпохи, во времена глобальных потрясений. В наше время, которое можно охарактеризовать как эпоху вселенского обмана и информационных войн, выявилась возможность перманентного конструирования различного рода ожиданий, надежд, угроз или опасений. В результате ныне немалая часть населения нашей планеты начинает жить в сконструированном мире, виртуальной реальности. В своей действительности это означает, что в вопросе об источниках и движущих силах социальной эволюции происходят изменения парадигмального характера.

Новое всегда является сложным сплавом традиционных и нетрадиционных элементов, его природа зависит главным образом от современных социальных и политических условий. Даже специфика отрицания старого, т. е. сама форма негации, ее глубина, степень деструктивности, неизбежно оказывают определенное влияние на тенденции развития нового, в известной мере задают направленность последующему процессу общественных изменений. Но главное то, что новое обладает способностью к самодетерминации: возникающая общественная система опирается не просто на ту конфигурацию социально-политических сил, которая была характерна для предшествующей системы, но творит для себя соответствующие социальные образования, порождает адекватный для себя социальный базис, который впоследствии становится действенной ее опорой. В результате свершившийся социальный выбор в ряде случаев может привести к необратимым изменениям, на годы и даже многие десятилетия задать определенное направление развитию общества. Факторы же, повернувшие историю на этот путь, могут с точки зрения своей общественной значимости быть незначительными, во многом случайными. Реализовавшись, однако, они жестко определяют движение общества в новом направлении. Причем вероятность такого развития многократно возрастает, когда тот или иной проект преобразования общества становится идеологической доктриной какой-либо общественно-политической силы, монополю властвующей в обществе.

Это означает, что на конкретном историческом этапе, в сложном переплетении ветвящихся дорог общественной эволюции, исторических потенциалов и возможностей, решающую роль играют субъективный фактор, непредсказуемый человеческий выбор и поступок, случайное стечение обстоятельств. Именно они в преимущественной степени определяют кон-

кретную «физиономию» формирующихся новых исторических обстоятельств и уклада жизни людей. И если свершившееся конкретное событие никак не укладывается в полосу прогрессивно-поступательного развития общества, то истории предстоит немало «потрудиться», чтобы преодолеть его последствия.

Очень важно, чтобы выбор основывался на верной, а не на ошибочной интерпретации исторических альтернатив. Выбор – дело сложное, поскольку история постоянно импровизирует и склонна к сюрпризам. А это означает, что выбор всегда сопряжен с риском, а риск, в свою очередь, является имманентной чертой выбора.

В своей работе «Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь» Э. Гидденс, выделяя две разновидности риска (внешний и рукотворный), приходит к выводу, что если в предшествующие эпохи доминировал внешний риск, то сегодня господствует риск рукотворный, пронизывающий различные сферы жизни как общества в целом (глобальные риски, связанные с экологией, распространением ядерного оружия или возможностью краха мировой экономики), так и отдельного индивида (к примеру, связанные с питанием, здоровьем и даже браком); более того, риск превращается в непрерывный процесс [2, с. 102].

Таким образом, историческая действительность является в значительной мере пластичной, способной к различным переменам. В сущности, если не к истории в целом, то к миру конкретных событий понятия «историческая закономерность» и «необходимость» надо применять весьма осторожно, с учетом игры случайностей и человеческих предпочтений. Нравится нам это или нет, история всегда будет представлять собой одну из выбранных и реализованных людьми возможностей, при этом далеко не всегда соответствующих оптимальному пути социального развития. Любая страна, любой народ в определенные моменты истории оказываются перед судьбоносным выбором, и их история осуществляется в процессе реализации этого выбора.

Эмпирические наблюдения за данными явлениями позволили исследователям сделать важный теоретический вывод: историческую свободу людей следует рассматривать не как осознанную необходимость, а как осознанную возможность исторического выбора из имеющих место в данной ситуации альтернативных путей развития [3, с. 215]. Это значит, что люди обладают способностью преодолевать историческую инерцию и творить собственное будущее исходя из целого спектра исторических альтернатив, обладающих различной или оди-

наковой возможностью для реализации. Выбор, стало быть, является важнейшим звеном конструирования социальной реальности. Как отмечает З. Бауман, «будущее как раз и отличается от прошлого тем, что оставляет простор для человеческого выбора и действия. Без выбора нет будущего – даже если выбор состоит лишь в том, чтобы воздержаться от выбора и выбрать плавание по течению» [4, с. 115].

Такого рода особенности развития социума открывают возможность субъекту истории формировать (отказавшись от следования исторической инерции, привычному течению дел) новые пути истории. Подобная возможность исторического субъекта обуславливает, как представляется, субъективную сторону существования альтернатив истории. Истории внутренне присуща альтернативность. Это определено реальным существованием в жизни социума различных противоборствующих политических, экономических и социальных структур, сил и тенденций. Последнее обстоятельство позволяет придать исторической возможности онтологический статус, идентифицировать ее как особую сферу реальности, признать ее укорененность в каждой точке социального пространства и в каждом моменте социального времени [5, с. 60–61].

Понимание исторической свободы как осознанной возможности позволяет отрицать наличие жесткой предопределенности в истории: социальные закономерности реализуются не в форме фатальной неизбежности, а в форме возможности, в сфере человеческого выбора. А если это действительно так, то субъект социального выбора должен быть ответственным за свои действия перед историей, перед другими людьми, наконец, перед самим собой. При таком подходе к социальной реальности отнюдь не снимается, а напротив, утверждается ответственность исторического субъекта за свои поступки и действия. По большому счету, в общественной жизни, как и в личной, нельзя мыслить свободу без ответственности. В данном случае возникает потребность в гуманитарной экспертизе определенного рода и контроле за свободой полагаемой человеческой деятельностью, ее переориентировке, а возможно, и запрете некоторых ее форм. Наверное, человеку разумному, «венцу творения», покорителю природы нужен все-таки какой-то внешний цензор, абсолютен, критерий, с которым ему следовало бы соизмерять свои устремления и помыслы. Если говорить шире, человечеству необходимо обезопасить себя, во-первых, от духовного вырождения и деградации, внутреннего саморазрушения, в результате эрозии «экологии души», утраты человеком человеческого,

во-вторых, от разрушения среды обитания, коллапса биосферы, эрозии «экологии природы». В этом, возможно, и заключается смысл истории.

Можно, конечно, утверждать, что выбор, выходящий за пределы спектра наличных возможностей и совсем не сообразующийся с логикой исторического развития, осуществляемый самонадеянным субъектом, рано или поздно отмечается историей или трансформируется до неузнаваемости.

Можно утверждать, что подход к анализу истории не только с точки зрения того, что произошло, но и с точки зрения того, что могло произойти, является оправданным, теоретически корректным и научно плодотворным. Если не соглашаться с фатальной заданностью, запрограммированностью будущего, то неправомерно соглашаться и по отношению к прошлому, утверждать, что в истории все произошло именно так, как должно было произойти? В действительности же прошлое мало чем отличается от будущего. В сущности, от допущения различных альтернативных путей движения не только применительно к будущей истории, но и к прошлой зависят глубина проникновения в эту прошлую историю, ее правильное понимание и оценка. Как отмечает З. Бауман, «каждый момент истории – это развилка путей, ведущих к нескольким будущим. Человеческое общество существует на перекрестках. То, что в ретроспективе предстает как “неизбежное” развитие, в свое время начиналось как вступление на одну дорогу из множества лежащих впереди» [4, с. 115].

Часто встречаемый аргумент, что «все в истории могло быть только так, как и было», слишком категоричен. Использование идей антиномизма И. Канта показало равнодоказуемость тезиса и антитезиса антиномии свободы и необходимости. Последовательное понимание позитивистского абсолютного детерминизма, в свою очередь, показало равнодоказуемость этих тезисов. Выводы, сделанные в рамках философской традиции интуитивизма А. Бергсона, Н. О. Лосского, С. А. Левицкого и экзистенциализма в лице С. Керкьёгора, М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, доказывают существенную первичность человеческой воли в актах выбора альтернатив действий [6].

Отметим, что тезис о свободе как осознанной необходимости не может быть отвергнут окончательно. Хотя в истории, как правило, существует множество возможностей, тем не менее, в отдельных случаях могут возникнуть ситуации, когда будет иметь место лишь одна возможность. Правда, единственная возможность – предельный случай, который возникает лишь тогда, когда общество находится в критическом

состоянии и исчерпаны все другие возможности, кроме гибели. Такая ситуация для отдельных народов мира неоднократно имела место (неслучайно некоторые исследователи рассматривают человеческую историю как «кладбище» цивилизаций и народов). В будущем такая ситуация может стать реальностью для всего человечества, если оно не будет сообразовывать свое развитие с экологическим императивом и окажется не способным дать «ответы» на глобальные «вызовы» современности.

Но даже в критических ситуациях (вплоть до последнего момента) имеются две возможности: одна – гибель, другая – предельная концентрация сил общественного организма с целью самосохранения. Реализация второй возможности требует от общества пресечения всякого противостояния классов и социальных групп, подчинения деятельности элит и масс единой общенациональной цели и воле, а также их готовности и способности идти на достижение невозможного. Только в этом случае историческая свобода может выступить в форме осознанной необходимости.

Проблема альтернативности теснейшим образом сопряжена с вопросом о роли случая в историческом процессе, поскольку социальная система чутко реагирует на случайности. В период социальной неустойчивости, в переходном состоянии, когда осуществляется крупный сдвиг в развитии общества и рождаются новые структуры, меняется диспозиция социальных сил, даже малая случайность может оказать решающее значение на дальнейшую судьбу общества в целом. В «точках бифуркации» (если прибегнуть к синергетической терминологии) такие случайности могут привести к качественной перестройке системы, к коренному изменению дальнейшей траектории ее движения. Случай в данной ситуации означает гибкое начало, имеющее непосредственное отношение к появлению нового в процессе развития.

В некоторые моменты истории роль свободной воли отдельной личности или организованной социальной группы (даже небольшой) вполне может не раствориться и не нейтрализоваться в результате стихийно-спонтанного столкновения с волями других субъектов исторического процесса, а стать доминирующим и системообразующим фактором в процессе разворачивающихся событий, перейти с микроуровня на макроуровень. Правда, в спокойные эпохи в период более равновесного существования социальных систем, когда преобладают детерминистские связи и отношения, способные противостоять «опасностям века», исторические случайности рельефно себя не обнаруживают.

В общественном развитии может сыграть существенную роль такой непредсказуемый по своей природе фактор («историческая случайность»), как отдельная личность. При определенных условиях политические лидеры и вожди способны влиять на макросоциальные процессы, воздействовать на общественное развитие ничуть не меньше, чем «объективные закономерности». Прав был известный русский философ Н. Бердяев, когда, имея в виду Октябрьскую революцию, говорил, что Ленин на практике сумел доказать способность незначительного организованного меньшинства «прервать детерминизм социальной закономерности» [7, с. 88]. Очевидным сегодня представляется и то, что в крушении Советского Союза существенную (если не решающую) роль также сыграл субъективно-личностный момент.

Идея нелинейности социальной среды как важнейшего условия ее самоорганизации позволяет по-новому понять исторический процесс как в эволюционном смысле (различие стран и народов в достигнутом уровне социальной эволюции), так и в мультикультурном (принципиальное социокультурное разнообразие стран и народов, находящихся на примерно одинаковом эволюционном уровне развития). Она также дает нам возможность осмыслить социальную динамику как устойчиво-неустойчивый, многомерный и вместе с тем целостный процесс, в рамках которого имеют место взаимопроникновение и взаимоналожение различных по своему содержанию и направленности детерминистских импульсов, сфер и начал (детерминант) человеческого бытия – от природных до идеологических, что в своей действительности обеспечивает многоуровневый, полидетерминистский подход к пониманию движущих сил развития общества. Рассмотрение жизни общества как открытого, сложного и неоднородного взаимодействия основных компонентов, которое имеет свою специфику факторов, сил и тенденций и в ходе которого происходят чередование, взаимопереходы хаоса и порядка, бесконечное становление полифонической целостности, показывает как невозможность существования единого идеального и универсального порядка «для всех времен и народов», так и несостоятельность интерпретации истории как иерархии высших и низших ступеней, как непреложного движения вперед.

Однако многофакторность, многовариантность, стохастичность в развитии общества еще не означают, что в социальной жизни вообще отсутствуют причинно-следственные связи и поэтому совсем невозможно предвидеть дальнейший ход общественных событий. Конечно, случайность, стихийность или сознательная концентрация усилий людей в определенном направлении могут сбить, отбросить с того или иного пути общественного развития, привести к сложным блужданиям в рамках спектра исторических альтернатив и возможностей. Но сам спектр возможностей и путей развития общества не безграничен. Ветвящиеся дороги общественной эволюции имеют конечное число, в определенной мере обусловлены прошлыми событиями и обстоятельствами, предшествующей исторической практикой. Иначе говоря, логика истории диктуется долгосрочными факторами существования: природно-климатическими, геополитическими, цивилизационными, экономическими и др. Она не так принудительна, как это представлялось сторонниками «непреложных исторических закономерностей», бывает на своих развилках максимально открытой для всевозможных социально-утопических экспериментов, но она, как свидетельствуют факты, вовсе не безобидна и может быть довольно мистической.

Под покровом событийной истории скрывается глубинное течение исторического времени, которое обычно поверхностный взгляд не замечает так же, как не замечает он движения Земли вокруг своей оси. Например, никакие усилия людей древних обществ периода рычага и лопаты не смогли бы превратить эти общества в машинные, буржуазные, поскольку для такого превращения необходимы века вызревания объективных предпосылок.

Заключение. На основании изложенного можно заключить, что случайность, субъективность, различные отклонения существенно влияют на социальный процесс, но влияют не произвольно, а в рамках вполне определенного спектра исторических возможностей. Кроме того, следует подчеркнуть, что, когда общественная система «выбирает» определенный путь развития, дальнейшая ее эволюция происходит в рамках детерминистского поля, в соответствии с детерминистскими законами. Следовательно, случайное и необходимое в жизни социума не исключают, а дополняют друг друга.

Литература

1. Назаретян А. П. Психология в социальном прогнозировании: еще раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 121.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. 120 с.

3. Васильчек В. М. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). URL: http://samlib.ru/w/wanjukow_a/algorithmy2.shtml (дата обращения: 10.04.2017).
4. Бауман З. Свобода. М.: Новое изд-во, 2006. 132 с.
5. Философия и историческая наука: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 60–61.
6. Альтернативность в истории как подход к анализу вариативности развития послевоенной Европы. Понятие и сущность альтернативности в историческом процессе. История в фактах. 2017. URL: <http://www.seaofhistory.ru/shists-932-1.html> (дата обращения: 10.04.2017).
7. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

References

1. Nazaretyan A. P. Psychology in social forecasting: once again about causal dependencies *stjah. Voprosy filosofii* [Question of philosophy], 2016, no 7, p. 121 (In Russian).
2. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The elusive world: how globalization is changing our lives]. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. 120 p.
3. Vasil'chek V. M. *Proshchaniye s Marksom* (Algoritmy istorii) [Farewell to Marx (history Algorithms)]. Available at: http://samlib.ru/w/wanjukow_a/algorithmy2.shtml (accessed 10.04.2017).
4. Bauman Z. *Svoboda* [Freedom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. 132 p.
5. Philosophy and historical science: Materials of the round table. *Voprosy Filosofii* [Question of philosophy], 1998, no. 10, pp. 60–61 (In Russian).
6. *Al'ternativnost' v istorii kak podkhod k analizu variativnosti razvitiya poslevoennoy Evropy. Ponyatiye i sushchnost' al'ternativnosti v istoricheskom protsesse. Istoriya v faktach*. 2017. Available at: <http://www.seaofhistory.ru/shists-932-1.html> (accessed 10.04.2017).
7. Berdyaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.

Информация об авторах

Кирвель Чеслав Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22 Республика Беларусь). E-mail: kaf_filosof@grsu.by.

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Information about the authors

Kirvel' Cheslav Stanislavovich – DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department Philosophy. Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: kaf_filosof@grsu.by

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department Philosophy and Law. Belarusian State Technological (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Поступила 01.03.2018